

В.Г. Смирнов

**ГОСУДАРЕВЫ
ВОЛЬНОДУМЦЫ**

ЗАГАДКА РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)43
С50

*Автор благодарит Марину Яшину
за подготовку иллюстративного ряда книги*

Смирнов, В.Г.
С50 Государевы вольнодумцы. Загадка Русского Средневековья / В.Г. Смирнов. — М. : Вече, 2011. — 256 с. : ил. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-2743-5

Ересь «жидовствующих» считается одним из самых загадочных явлений Русского Средневековья. Многие историки задавались вопросом, как в такой сугубо православной стране — России XV века — могло возникнуть еретическое движение, захватившее высшие круги власти, посеявшее сумятицу в душах простых людей и завершившееся показательными казнями на городских площадях? Историк и писатель Виктор Смирнов пытается непредвзято разобраться в этом непростом эпизоде русской истории, где политика теснейшим образом соединилась с религией.

**УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)43**

ISBN 978-5-9533-2743-5

© Смирнов В.Г., 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

ГЛАВА 15. СМЕНА КУРСА

Разумный человек не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание.

Никколо Макиавелли

5 февраля 1498 года на Москве-реке на том самом месте, где год назад казнили Гусева и других сторонников Софьи, отлетела голова еще вчера всесильного князя Семена Рязанского. Официального обвинения не прозвучало, сказано было только, что князь Семен «высокоумничал». Та же участь ожидала и боярина Ивана Патрикеева с сыновьями, но по ходатайству митрополита им разрешили постричься в монахи. После этого великий князь помирился с женой и провозгласил своим соправителем сына Василия, дав ему в удел Новгород и Псков. Дмитрий-внук вместе с матерью Еленой Волошанкой были удалены от двора.

Что же произошло?

Проще всего объяснить столь резкую перемену тем, что стареющий государь приревновал бывших фаворитов и решил таким способом показать всем «кто в доме хозяин». Прожженный макиавеллист, всю жизнь придерживавшийся принципа «разделяй и властвуй», понял, что, чрезмерно усилив одну из партий, он ослабил свои собственные позиции. Власть стала ускользать из его рук, а с этим он смириться никак не мог.

Но имелись и другие причины зимней расправы 1498 года. При всех своих недостатках Иван III был, безусловно, великим государем. Личная власть не была для него самоцелью, как это будет с его внуком Иваном Грозным. Всю свою жизнь Иван Васильевич посвятил простой по сути и великой по размаху цели — созданию государства, которое объединит все земли, населенные русскими людьми. Он шел к этой цели с фанатичным упорством восточного хана и хитростью замоскворецкого купца, не гнушаясь при этом никакими средствами и не смущаясь никакими жертвами. Увы, жестокие и прагматичные

правители создают великие государства, а мягкосердечные либералы их разваливают.

Московские казни стали следствием перемены внешнеполитического курса Российского государства. Укрепившись на новых границах, великий князь был готов возобновить открытую борьбу за наследие Киевской Руси. Момент был самый подходящий. Стремясь порвать духовную связь своих русских подданных с Россией, литовские власти усилили давление на православных, стремясь обратить их в католичество. Но эффект получился обратный. Взоры православного населения Литвы вновь обратились к Москве, началась новая волна переходов русской знати в российское подданство. Нервы у молодого литовского правителя не выдержали, и он начал срочно сколачивать антирусскую коалицию, в которую кроме Польши и Ливонии вступил отец Елены Волошанки молдавский господарь Стефан Великий. Иван Васильевич воспринял поведение свата как прямую измену, что сразу отразилось на его отношении к снохе и внуку, хотя формально Дмитрий все еще числился в наследниках.

Падение Патрикеевых и Ряполовского означало крах внешнеполитического курса, который проводили «жидовствующие». Рухнули мечты братьев Курицыных об открытых воротах на запад. Кстати, немалая доля вины за это лежала и на европейских государствах. Запад, как это часто будет повторяться в дальнейшем (и продолжается до сих пор), повел себя в отношении России эгоистично и недальновидно, пренебрегая колоссальными возможностями взаимного сотрудничества. «Русскую самозванку» не пожелали пускать дальше литовской прихожей, захлопнув дверь перед ее носом.

Политика сближения с Литвой потерпела фиаско. Кто-то за это должен был ответить, а поскольку заключением династического брака Александра Литовского и Елены Ивановны непосредственно занимались Патрикеев и Ряполовский, их и назначили «крайними». Бывшим руководителям Боярской думы припомнили и уступки Литве при подписании договора, и грубый «зевок» с «небрежением нашим именем», то есть титулом государя всея Руси. Мало того, что они заключили невыгодный, как теперь оказалось, мир с Литвой, так они еще и унизили своего государя, лишив его законного титула! Как

обыкновенно бывало у Ивана Васильевича, не обошлось и без изрядной доли лицемерия. Соглашаясь на заключение мира с Литвой, он тогда шел на это вполне сознательно, выигрывая время, чтобы подготовиться к новому броску.

Для того чтобы начать войну, Ивану III нужен был только формальный повод. Впрочем, он сам заранее о нем позаботился, когда вставлял в договор о браке своей дочери Елены и великого князя Литовского Александра пункт о том, что литовцы не будут принуждать Елену Ивановну перейти в католичество. Такие попытки действительно делались, и вот теперь «заготовка» пригодилась. Бедняжка Елена оказалась заложницей политической интриги. Она успела полюбить мужа, но при этом не могла послушаться своего грозного отца. Напрасно молодая княгиня писала отцу умоляющие письма, в которых клялась, что не изменит православию. Великий князь был непреклонен.

Снова началась русско-литовская война. В 1500 году грянула знаменитая битва на реке Ведроше — одно из самых крупных сражений того периода, в котором русские войска одержали блестящую и сокрушительную победу. Воевода Щеня наголову разгромил войско гетмана Острожского, а самого гетмана взял в плен. На службу к русскому государю перешли князья Трубецкие, Мосальские и еще несколько знатных семейств. Наступление в Литве было поддержано одновременными набегами крымского хана, в окружении которого важную роль играли еврей-караимы.

В 1503 году было заключено перемирие, по которому около трети Великого княжества Литовского, населенного русскими, белорусами и украинцами, перешла в состав России. Важнейшая стратегическая цель была достигнута. Иван III добился очередного успеха, и этот успех пришел во многом благодаря мощной поддержке православного русского населения, которое открывало ворота литовских городов своим единоверцам. Религия становилась важным политическим фактором. Неудивительно, что в составе русского посольства, которое доставило в Литву договор для ратификации, уже не было братьев Курицыных. Роль защитника православия заставила великого князя изменить отношение к еретикам из своего ближайшего

окружения. Мог ли он и дальше открыто поддерживать тех, кто в его собственной стране выступал против православной веры?

Но возникает вопрос: каким образом удалось избежать расправы лидерам еретиков братьям Курицыным, которые действовали вкуче с опальными вельможами? Разумеется, о жалости и прочих сантиментах говорить не приходится, Иван Васильевич легко жертвовал самыми близкими людьми, когда речь шла о власти и государственных интересах. Тут, как говорится, ничего личного. Тогда почему уцелели Курицыны и другие еретики?

Будучи опытными царедворцами, братья-дипломаты сумели в этот опасный момент доказать великому князю свою преданность, а главное — полезность. Их изворотливый ум нашел выход. Еще в 1499 году Курицыны добились назначения игуменом богатейшего Юрьева монастыря под Новгородом своего человека — некоего Кассиана. И хотя тогда этот успех никак не мог компенсировать потерю такой крупной фигуры как митрополит Зосима, назначение имело важный подтекст. С приходом Кассиана умолкнувшая было в Новгороде ересь вновь подняла голову. Юрьев монастырь находился за городской чертой и был удобным местом для тайных встреч новгородских еретиков, среди которых выделялись брат Касьяна Иван Самочерный, дьяк Гридя Квашня, Митя Пустоселов, Иван Некрас Рукавов, а также архимандрит Феогност Черный и монах Иосиф Черный.

Для архиепископа Геннадия наступили тяжелые времена. Мало того, что против него был настроен великий князь и могущественные фавориты. В его собственной епархии окопались враги, сторожившие любой его промах. В качестве главы черного духовенства юрьевский игумен не подчинялся архиепископу, но при этом являлся его естественным преемником. С помощью Кассиана еретики надеялись подсадить Геннадия, чтобы выбить самого опасного противника и подчинить себе крупнейшую русскую епархию.

Но этим задача Кассиана не ограничивалась. Он должен был помочь еретикам разыграть беспроигрышную партию, ставкой в которой были огромные земельные богатства новгородских монастырей. Эти богатства по-прежнему как магнитом притягивали Ивана III.

Первые новгородские конфискации позволили ему положить начало служилому дворянству, и теперь он собирался повторить их, но для этого нужен был человек, на которого он мог опереться в своей конфискационной политике. Эта роль и была уготована новому юрьевскому архимандриту, который традиционно возглавлял монастырское духовенство новгородской епархии.

Замысел еретиков полностью удался. В 1499 году при активном содействии Кассиана была осуществлена новая конфискация земель Софийского дома. Бывшие монастырские земли были розданы приезжим детям боярским в обмен на государеву службу. Безвольный митрополит Симон Чиж под нажимом властей благословил изъятие. Причем новые конфискации земель Святой Софии проводились от лица наследника Василия, недавно ставшего великим князем Новгородским и Псковским. Так одним выстрелом Иван III убил сразу трех зайцев. Во-первых, заполучил в казну огромные территории для своих служилых людей. Во-вторых, отомстил опальному новгородскому архиепископу Геннадию. В-третьих, на всякий случай скомпрометировал в глазах церкви собственного сына Василия. («Как же так, мы его поддерживаем, а он нас грабит?!»)

Ни великого князя, ни тем более еретиков нимало не смутил тот факт, что, отбирая имущество у монастырей, светская власть попирала последнюю волю тех людей, которые завещали свои земли обителям. Если называть вещи своими именами, это был форменный грабеж, спровоцированный еретиками. Этим они навлекли еще большую ненависть к себе Русской православной церкви. Но такая «мелочь» уже не волновала братьев Курицыных и их единомышленников, оказавшихся не у дел после провала своего прозападного курса.

В минуты смертельной опасности люди порой начинают соображать удивительно быстро. Увернувшись от просвистевшего над их головами топора, еретики лихорадочно искали способ вернуть расположение государя. Напомнив ему о конфискациях земель Софийского дома, Курицыны предложили повторить столь удачный опыт, но уже в масштабах всей страны. Растущее государство остро нуждалось в служилом сословии. Самым простым способом решения проблемы было изъятие земель у церкви и раздача их дворянству в

качестве платы за государеву службу. Момент для этого был самый подходящий. Войны с Литвой и Швецией обескровили русскую армию, срочно требовались резервы, а чтобы их заполучить, нужно было дать дворянам землю.

Еретики предложили решить проблему радикально, отобрав все земли у всех русских монастырей, которых в это время в стране насчитывалось более четырехсот. Великому князю идея понравилась, ему давно не давали покоя цветущие обители, которые выглядели оазисами на фоне запущенных и неухоженных государственных земель. Но тут возникли трудности. Представляясь главным защитником православия в глазах своих и не только своих подданных, государь не мог просто ограбить обители. Следовало соблюсти декорум, придать секуляризации видимость волеизъявления самой церкви. Задача не из простых, но выполнимая, если подойти к ней с умом. А поскольку ума братьям Курицыным и их соумышленникам было не занимать, им был дан шанс реабилитироваться за дипломатические провалы. И они постарались этот шанс не упустить.

Правда, возможности еретического сообщества после падения Рязполовского и Патрикеевых сильно поубавились. Ранней весной 1502 года последовал удар по их главной союзнице. Великий князь внезапно повелел схватить Елену Волошанку и Дмитрия-внука. Мать и сына заточили в тюрьму, их имена запретили упоминать в ектениях. И снова никакого формального обвинения не было, люди шептались, что причиной опалы стало уклонение Елены в «жидовскую ересь». Переместившись из роскошных покоев в сырую темницу с охапкой гнилой соломы вместо постели, цветущая красавица молдаванка вскоре скончалась. Осиротевшему Дмитрию-внуку оставалось надеяться на то, что грозный дед смилуется. Накануне своей кончины Иван III со слезой во взоре просил у Дмитрия прощенья за свой несправедный гнев и повелел... вернуть узника в тюрьму. А через четыре года наследовавший престол Василий III распорядится без лишнего шума прикончить соперника.

Софья Палеолог недолго торжествовала победу над своей заклятой соперницей. 7 апреля 1503 года великая княгиня вслед за ней отправилась в мир иной. Иван III князь остался без жены, без невестки,

без внука. Теперь у него оставалось только одна привязанность — его Государство. В свой «возраст осени» Иван III вступил полновластным правителем огромной страны. Но власть, как известно, портит людей, а неограниченная власть тем более. В этот последний период в характере московского государя усиливаются жестокость и подозрительность. Вчерашний фаворит мог завтра оказаться на плахе.

Стремительное падение могущественных покровителей мгновенно превратило еретиков из охотников в дичь. Их ряды сильно поредели. Протопопа Алексея уже давно не было в живых. Подобно своему предшественнику, еретiku Арии, у него «разверзлась утроба», как злорадно писал Иосиф Волоцкий. Повредился разумом и умер другой новгородский еретик — Денис. Скрылся за границей и, по слухам, принял там иудаизм книгописец Иван Черный. Собственный гороскоп или просто инстинкт самосохранения подсказали астрологу Мартину Былице, что пришла пора срочно уносить ноги. «Мартынка-угрянин» слезно упросил Федора Курицына взять его с собой в Литву на переговоры и назад уже не вернулся. Скончался ученик Алексея дьякон Истома. Иосиф Волоцкий так описал его смерть: «Соучастник Дявола, пес адов, был пронзен удой Божьего гнева: гнусное сердце его, вместилище семи лукавых духов, и утроба его загнили». Умер в заточении чернец Захар.

Но самой тяжелой потерей для еретиков стала потеря лидера. В промежутке между 1500 и 1503 годами имя Федора Курицына перестает упоминаться в государственных документах. Возможно, он умер или бежал, чтобы избежать расправы. Так внезапно оборвалась блистательная карьера этого «русского Вольтера», дипломата, писателя и философа. Потеряв в своих умственных исканиях веру, он потерпел поражение и на служебном поприще, утратив доверие своего государя.

Из некогда многочисленного и могущественного кружка еретиков остались только: посольский дьяк Иван Волк Курицын, юрьевский архимандрит Кассиан, боярский сын Дмитрий Коноплев, купец Кленов, да еще несколько фигур помельче. Для уцелевших еретиков предстоящий вопрос секуляризации монастырских земель в прямом смысле становился вопросом жизни и смерти.

Глава 16. «ИОСИФЛЯНЕ» И «НЕСТЯЖАТЕЛИ»

Затвори дверь ума, и вознеси ум свой от всего суетного, то есть временного. Затем, упершись брадою в грудь, устремляя умственное как со всем умом в середину чрева, то есть пуп, удержи тогда и стремление носового дыхания, чтобы не дышать часто, и внутри исследуй внутренне утробу, дабы обрести место сердца, где пребывают обычно все душевные силы. И сначала ты найдешь непроницаемую толщу мрака, но постоянно подвизаясь в деле сем денно и ношно, ты обретешь — о чудо! — непрестанную радость.

Симеон Новый Богослов

Собор был назначен на август 1503 года, но светская власть начала готовиться к нему значительно раньше. Пользуясь отсутствием четкого регламента Соборов и покорностью митрополита Симона Чижя, государевы дьяки фактически взяли на себя всю подготовительную работу этого, казалось бы, чисто церковного форума, решающего вопросы вероучения и канонического устройства. Можно только удивляться мастерскому владению тогдашними госчиновниками всеми аппаратными хитростями, которые сейчас принято называть политическими технологиями.

Во-первых, повестка дня. Предполагалось вынести на обсуждение вопросы, которые были связаны с негативными явлениями церковной жизни: о симонии, о вдовых попах, о совместных монастырях. Тем самым церковь заведомо ставилась в положение обвиняемой стороны. Вопрос о монастырских землях в первоначальной повестке Собора вообще не фигурировал, дабы захватить оппонентов врасплох и не дать им возможности подготовиться к дискуссии.

Во-вторых, состав участников и приглашенных. По традиции в соборах помимо архиереев принимали участие представители клира, монашествующих и мирян. Понимая, что епископат будет сопротивляться секуляризации земель, власти постарались пригласить

побольше рядовых представителей духовенства, знатных мирян, а также высокопоставленных чиновников.

В-третьих, требовалось найти подходящего человека, который «озвучит» нужное властям предложение. Было очевидно, что если с этой идеей выступят сами «жидовствующие», то против них дружно ополчится весь Собор. Нужен был подвижник веры с незапятнанной репутацией. И тут власти вспомнили Собор 1490 года и заволжского старца Нила Сорского, который настаивал на снисхождении к еретикам и призывал церковь к отказу от «стяжания». По циничному раскладу властей прекраснодушный идеализм Нила Сорского как нельзя лучше соответствовал отведенной для него роли.

Весьма полезной для властей фигурой стал и князь Вассиан Патрикеев, уцелевший после зимней расправы 1498 года и насильственно постриженный в монахи. Отправленный в железях в Кирилло-Белозерский монастырь, он сблизился с Нилом Сорским и стал одним из его последователей. Но и поменяв боярскую шапку на монашескую скуфью, князь-инок остался человеком власти, мечтающим вернуться к ее высотам. Ради этого возвращения Вассиан Патрикеев, в недавнем прошлом один из крупнейших землевладельцев России, сделался ярким противником монастырского землевладения.

В-четвертых, следовало обезглавить оппозицию. Митрополита Симона Чижо можно было в расчет не принимать. Потенциальным лидером мог стать Геннадий Новгородский. В третий раз не пустить на Собор главу крупнейшей епархии было уже нельзя, это могло вызвать ненужный скандал. Оставалась надежда на то, что уже ограбленный Геннадий не будет сопротивляться ограблению других епархий. К тому же многолетнее напряженное противоборство с великим князем, митрополитом и высокопоставленными еретиками не прошли бесследно для новгородского владыки. Геннадий сильно сдал, и теперь наибольшую опасность для «жидовствующих» и их покровителей представлял Иосиф Волоцкий. Образованность, талант полемиста, яростная готовность отстаивать интересы церкви обеспечили ему широкую поддержку не только архиереев, но и рядового духовенства. Иван III понимал, что такого человека лучше иметь в стане

союзников, нежели в стане противников. Ради этого великий князь был готов «отложить гнев» на игумена за нападки в свой адрес.

Накануне собора Иван Васильевич пригласил Иосифа Волоцкого во дворец, долго и задушевно беседовал с ним наедине о церковных делах. Разговор сразу зашел о ереси. Иосиф корил государя за то, что тот терпит возле себя «жидовствующих». Великий князь вздыхал и соглашался, винился в том, что дал еретикам «ослабу», а в завершение беседы твердо обещал «послать по всем городам обыскать и искоренить еретиков». Вряд ли он тогда собирался выполнять свое обещание. Пока готовился Собор, еретики еще были нужны государю, но он уже прощупывал почву для возможной сделки. Будучи опытным негодяем от политики, Иван III хотел понять, какую цену можно будет запросить у церкви за головы «жидовствующих». Правда, у властей не было уверенности в том, что Иосиф Волоцкий поведет себя должным образом, поэтому был придуман запасной вариант его нейтрализации.

И, наконец, в-пятых, в канун Собора была организована шумная пропагандистская кампания против монастырского землевладения. В конфликтах между монастырями и крестьянами власть теперь становилась на сторону «угнетенных». Подобная тактика социальной демагогии уже применялась великим князем перед походом на Новгород, когда он призвал новгородцев жаловаться ему на местное начальство, расколов тем самым новгородское общество.

Но тут вступил в игру Его Величество Случай, который и сегодня не могут предугадать самые хитроумные политехнологи. Дабы создать прецедент, великий князь решил воспользоваться поземельным спором между крестьянами села Илемно и Троице-Сергиевой лаврой. Уличив монахов в «неправедности», Иван Васильевич потребовал назад грамоту на это село, которое он сам же и подарил обителю на помин души своей тетки. Троицкий игумен Серапион спорить с государем не стал, вместо этого он вывел всех монахов, включая самых больных и немощных, на крестный ход, во главе которого несли злополучную грамоту.

Произошло это 28 июля 1503 года, и в тот же день великого князя разбил инсульт. У него отнялись рука, нога и перестал видеть один

глаз. Было ли это чудо Господне, как шептались в монастырях, или случайное совпадение, но болезнь сильно повлияла не только на физическое, но и на психологическое состояние государя. Однако, даже получив грозное Послание с того света, Иван III не отказался от задуманного плана ограбления церкви.

Собор открылся в последних числах августа в великокняжеском дворце. Светская власть была представлена на нем «первым составом»: Боярская дума, все государевы дьяки, высшая знать и, наконец, сам великий князь и наследник Василий Иванович. Как и намечалось, Собор сразу приступил к обсуждению нестроений церковной жизни, однако тон разговора получился не таким, как ожидалось. Пережив серьезный кризис, вызванный ересью, церковь не искала оправданий, а сама стремилась к очищению. Собор бесстрашно поднял большие вопросы церковного быта, дававшие еретикам повод для нападок на духовенство. Жесткому и бескомпромиссному осуждению подверглись симония, «засорная» жизнь вдовьих попов, пьянство и прочие язвы церковной жизни. В итоге Собор запретил святителям взимать мзду за поставление священников, повелел расселить так называемые «двойные монастыри», в которых жили монахи и монахини, а также запретил вдовствующим попам совершать богослужение, если они не примут пострига.

На этом Собор был объявлен закрытым, и соборяне начали разъезжаться по своим епархиям. В числе первых уехал Иосиф Волоцкий. Но едва он покинул столицу, как власти вдруг объявили о продолжении Собора. Запыхавшийся посольный нагнал волоцкого игумена уже за городской заставой, и тот тотчас развернул лошадей.

А на Соборе тем временем уже разыгрывались нешуточные страсти. Как и было задумано, первым поднялся Нил Сорский и предложил монастырям добровольно отказаться от своих земельных владений. «Нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием, а в случае нужды просили бы милостыню от христороубцев: нужная, а не излишняя».

Затем от лица светской власти докладывал кто-то из государевых дьяков, по некоторым сведениям, Иван Волк Курицын. Тут-то

и пригодились изыскания Ивана Черного и других «жидовствующим», направленные против монашества вообще и монастырского землевладения в частности. Смысл доклада заключался в том, что «государь восхоте у митрополита у всех владык и у всех монастырей села поимати и вся к своим соедините. Митрополита же и владык всех монастырей из своей казны деньгами издоволити и хлебом изоброчити из своих житниц». Понимая, что собственность является гарантией независимости, власти хотели не только обобрать церковь, но и посадить ее на государево жалованье, превратив духовенство в покорных госслужащих.

Воцарилось тягостное молчание. Взоры архиереев обратились к Геннадию Новгородскому. Какое-то время он колебался («ибо уже ограблен прежде того»), но затем выступил с отповедью секуляризаторским планам правительства. И тут не выдержали нервы у великого князя. Он обрушился на архиепископа Геннадия с грубой бранью («многими лаяньями ему уста загради»). Наверное, он был страшен в эти минуты, этот наполовину парализованный горбатый старик в парчовых одеждах, изрыгающий ругательства и угрозы посреди притихшего Собора. Наверное, многих присутствующих обуял привычный страх перед грозным властелином, единолично правившим страной на протяжении жизни целого поколения. Но печать близкой смерти уже проступила на искаженном яростью лице Ивана Ш, и это добавило храбрости соборянам. Встал троицкий игумен и будущий преемник Геннадия на новгородской кафедре Серапион и объявил, как отрезал: «Не отдам!»

Где-то в этот момент появился Иосиф Волоцкий и с ходу вступил в бой. Призвав в союзники святых Антония и Феодосия Печерских, он спросил: «Если не будет у монастырей сел, как честному и благородному человеку постричься? А если не будет честных старцев, откуда взять на митрополию или архиепископа или епископа и на всякие честные власти? А коли не будет у нас честных и благородных — ино вере будет поколебание».

Разгорелся острый спор между Нилом Сорским и Иосифом Волоцким. В этом споре резко обособились два противоположных взгляда, два направления монашества, которые впоследствии получили назва-

ние «иосифлян» и «нестяжателей». И те и другие считали необходимым преобразование монастырской жизни. Но если «нестяжатели» хотели освободить обители от вотчин, то «иосифляне» надеялись исправить монастырскую жизнь строгим общежительным уставом.

Нил Сорский видел цель монашеской жизни не во внешнем благочестии, а во внутренней работе души, в «умной молитве». Его идеалом были греческие православные монахи-исихасты, с которыми он познакомился еще в молодости на Афоне. Исихазм (в переводе с греческого «спокойствие, тишина, уединение») — это мистическая практика, в основе которой лежит безмолвная молитва ради созерцания Божественного света. Забудем о человеческих нуждах, грехах и болезнях, учили исихасты, предоставим самому себе этот суетный мир, а сами удалимся в тишь скитов, в самоуглубление, погрузимся в духовный транс.

По убеждению «нестяжателей», монастырская собственность отвлекала иноков от их главного призвания — служения Богу. «Очисти келью свою, и скудость вещей научит тебя воздержанию. Возлюби нищету, и нестяжание и смирение!» — взывал старец Нил. Он полагал (и не без оснований), что, владея именьями, монастыри делаются участниками всех неправд, соединенных с тогдашним вотчинным управлением. Старец горячо обличал любостяжание и накопительство, которому были подвержены многие обители, хозяйственную суетливость монахов, их угодливость перед сильными и богатыми, корыстолюбие, лихоимство и жестокое обращение со своими крестьянами. Его возмущали монахи, «кружащиеся ради стяжаний», по их вине жизнь монастырская, некогда «превожденная», стала «мерзостной». «Проходу нет от этих лже-монахов в городах и весях; домовладельцы смущаются и негодуют, видя, как бесстыдно эти “прошаки” толкуются у их дверей».

Но и у Иосифа Волоцкого тоже была своя правда. В защищаемой им монастырской общине все принадлежало обители и ничего — лично монахам. Процветающие обители являли собой образцы трудолюбия, умного хозяйствования, а в военную годину выступали оборонительными форпостами. Земельные владения монастырей давали им возможность не только помогать нуждающимся, но и служить

умственными светильниками, готовить для народа духовных пастырей. И еще они несли людям облагораживающую красоту, которой им так не хватало в повседневности. Согласись церковь с Нилом Сорским, и мир лишился бы Соловков и Новодевичьего, Александровской лавры и новгородского Юрьева, Кижей, Валаама и еще великого множества изумительно слитых с природой архитектурных ансамблей, в создание которых русский народ вложил столько труда и души.

Если идеал Нила Сорского — духовное и нравственное самоочищение через молитву и отрешение от всего мирского, то идеал Иосифа Волоцкого — служение людям. Принимая мир во всем его несовершенстве, Волоцкий видел в монашеской жизни не только устремление к своему личному Богу, но и помощь людям, которые в ней нуждаются, делание справедливости и милосердия. Иосифлянские обители служили и странноприимными домами, и столовыми для сирот и убогих, и больницами для страждущих. Отсюда начинались традиции прославленной русской благотворительности.

Этот спор двух великих подвижников русской церкви, вероятно, не разрешится никогда, ибо в нем отразились две стороны человеческой личности. Неслучайно Русская православная церковь канонизировала и Нила и Иосифа. Если заволжские старцы разрабатывали «умную молитву», то иосифляне развивали «умное делание ради ближних своя». И в этом внешнем противоречии есть некое внутреннее единство, благодаря которому Русская православная церковь освоила новые глубины веры и монашеского подвига.

...Но вернемся на Собор 1503 года. После долгих прений мнение большинства стало склоняться в сторону «иосифлян». Заколебалась и Боярская дума. Многие бояре сами рассчитывали на склоне лет уйти в монастыри и не хотели разорять обители, расположенные в их вотчинах. Апология нищеты, проповедуемая заволжскими старцами, не находила отклика и у знатных «постриженников», привыкших к сытости и комфорту.

Неприятный сюрприз преподнес властям митрополит Симон Чиж. Даже у самых послушливых людей бывает предел потакания, после которого человек упрется так, что его уже не сдвинешь. Изме-

нив своей уклончивой манере, митрополит прямо высказался против конфискации монастырских земель и даже пригрозил церковным проклятием: «Да будут прокляты в сей век и в будущий, ибо стяжания церковные — Божия суть стяжания». В сопровождении всего московского духовенства Симон Чиж явился к великому князю, вооруженный выписками из Библии, правилами Вселенских соборов. Но самым сильным аргументом стала «старина», то есть древняя традиция, на которую привык ссылаться великий князь для оправдания своих действий: «Тако же и в наших российских странах, при твоих прародителях великих князях (далее перечислялись все предки Ивана Васильевича) святители и монастыри грады, волости, слободы и дани церковные держали».

Иван III все еще не хотел признавать поражение. Он трижды (!) заставил Собор письменно подтвердить свое решение, и трижды соборяне прямо и недвусмысленно заявили: монастырским землям быть! Как знать, не случись с великим князем инсульта накануне собора, он, возможно, продолжал бы борьбу. Но силы его были подорваны болезнью, его духовник Митрофаней и личный врач Николай Булев укоризненно качали головами — негоже, государь, покушаться на церковное!

Наконец, великий князь был вынужден отступить. Впрочем, отступить ему приходилось не раз, чтобы затем, собрав силы, предпринять новую попытку и в конце концов добиться своей цели. И пусть ему самому на это уже не отпущено времени, но то, что не сделал он, сделают его наследники. Отбирать у монастырей земли будут и Василий III, и Петр I, и Екатерина II, но радикально решат этот вопрос большевики, которые закروют все русские обители, захватят веками накопленные богатства и физически уничтожат большую часть монашества.

Зато Иван III не мог отказать себе в удовольствии отомстить тому, кто помешал ему в исполнении замысла. Выждав несколько месяцев (как известно, месть — это блюдо, которое лучше есть холодным), великий князь приказал взять под стражу новгородского архиепископа Геннадия. По доносу владычного слуги архиепископа обвинили в мздоимстве и, хотя вина его не была доказана, заточили

в тот самый Чудов монастырь, с которого и начиналась его карьера. Здесь он вскоре скончался. Незадолго до смерти Геннадий принял схиму с именем Галактион, а после кончины был погребен в соборе в честь Чуда архангела Михаила в могиле, где покоились мощи святого Алексия.

Еретики могли торжествовать низвержение одного из своих главных врагов. Однако их собственное положение было немногим лучше. Провал планов секуляризации монастырских земель лишил «жидовствующих» последней надежды вернуть себе влияние при дворе. До них, вероятно, уже дошла простая и страшная истина: они больше не нужны власти.

Впрочем, точно ли не нужны? Будучи рачительным хозяином, Иван III еще мог воспользоваться этим отработанным, но все же представляющим определенную ценность материалом.